РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

В второй половине февраля ударили сильные морозы. Резко упала температура, разгулялись метели. Ветры со свистом и зывыванием обламывали промёрзшие ветки с деревьев и срывали крыши с некоторых хат. Но и такую суровую зиму можно было бы выдержать, если бы не голод. А одновременно мёрзнуть и недоедать, не имея продуктов и дров и без надежды раздобыть и то, и другое – это такой ужас, который невозможно даже представить.

Наше село оказалось полностью отрезанным от мира. Высокие снежные сугробы сделали дороги и тропинки непроходимыми. Снега выпало так много, что иногда невозможно было наружу дверь открыть. Правда, люди и не собирались выходить из своих домов: некуда было ходить. Всё село замели снега, а его жители медленно умирали от голода в хатах.

Мы тоже сидели закрывшись в хате. Хоть и безуспешно, но мы пытались подавлять чувство голода чтением или пересказыванием разных историй. И часто молились. Мама падала на колени перед образами, и мы замирали рядом, повторяя за ней слова молитвы. Тогда мы чувствовали себя поуверенней, веря, что Бог услышит наши молитвы и вскоре пошлёт нам какую-нибудь помощь. Не раз я слышал, как мама обращалась к образам: "О всемогущий Боже: Ты наслал на нас Свой гнев и Свою кару в час, когда сатана тоже мучит нас. За что Ты нас так караешь, всемогущий Боже? Смилуйся над нами и помоги нам выдержать эти сатанинские муки".

Затем, будто каясь за свои укоры Богу, она произносила длинную молитву-мольбу. Мой брат Микола проговаривал свою собственную молитву. Он тоже хотел узнать причину, за что Гос-

подь наслал такую муку на людей, которые искренне верили в Него. Заканчивал он всегда тем, что молил Бога, чтобы Тот послал нам немного хлебушка. Вот так мы проводили время в молитвах, мечтах, надеждах и в ожидании какого-то чуда.

А дни и ночи, большинство с лютыми метелями, шли бесконечной чередой. Но однажды утром буря улеглась и на дворе запала тишина. Слабенький лучик солнца пробивался сквозь намёрзшие окна. Мы с Миколой надумали выйти на двор, но долго не могли никак открыть дверь. В конце концов, дёргая дверь туда-сюда и постепенно отодвигая снежный занос, нам это удалось, и мы вышли в чудесное утро с искристым снегом, голубым небом и чистым свежим воздухом.

Тишина и снежное однообразие царили в селе. Единственными признаками жизни были тоненькие струйки дыма, которые кое-где тянулись вверх из труб. Но над многими хатами у нас по соседству и следа дыма не было. Неужели люди там не топили? Как же они могли остаться живы, удивлялись мы, не отапливая свои хаты в такую стужу?

Чтобы самим убедиться, как оно на самом деле, мы побежали прежде всего к хате Дмитра, которая не подавала ни малейших признаков жизни. Дмитро так и не вернулся домой, после того как его забрали в райцентр. Его молодая жена Соломия осталась одна с доченькой. Она ходила на работу в колхоз, беря с собой и ребёнка. Как жена репрессированного, она тоже считалась "врагом народа", из-за чего её ребёнка не взяли в колхозные ясли. Позднее Соломию выбросили из колхоза и она вынуждена была искать работу в городе. Но это было невозможно, ведь кто бы ей дал в колхозе справку на право выезда из села? Она оказалась в заколдованном смертном кругу коммунистической системы, и ей пришлось вернуться в своё село.

Когда наступила зима, Соломия ходила от хаты к хате, готовая работать только за кусок хлеба. Она была слишком гордая, чтобы просить милостыню. Люди сочувствовали ей и помогали, кто чем мог. Но когда голод острее стал донимать, крестьянам уже нечем было ей помогать, и после уже никто больше не видел, чтобы она ходила по хатам.

Двери хаты Соломии мы застали незакрытыми, но их так занесло снегом, что нам было трудно войти внутрь. А когда мы

наконец вошли, то увидели жуткое зрелище: посреди комнаты с матицы свисала Соломия. Она была в национальной одежде с большим крестиком на груди. Было понятно, что она, прежде, чем совершить самоубийство, сознательно к нему готовилась, потому что у неё были тщательно причесаны и заплетены в две косы волосы, свисавшие с плечей.

Испуганные, мы побежали позвать маму. Мы помогли ей снять задубевшее тело Соломии с матицы, потом положили его на лавку и накрыли домотканной дерюгой. И только когда управились со всем этим, заметили мёртвое тельце её маленькой доченьки. Ребёнок лежал в деревянном корытце в углу под образами, чистенький и одетый в свою лучшую одежду. Маленькие ручки были скрещены на груди.

А на столе мы увидели такую записку:

"Дорогие соседи!

Очень прошу похоронить нас по-человечески. Я должна оставить вас, дорогие соседи. Дальше так жить уже нет силы. В доме нет продуктов, и зачем мне жить без моей доченьки, которая уже умерла от голода, и без мужа. Если когда-нибудь увидите Дмитра, расскажите ему о нас. Он поймёт нашу беду и простит меня. Скажите ему, что я упокоилась мирно, с мыслью о нём и нашем дорогом ребёнке.

Люблю вас, дорогие соседи, и всем сердцем желаю, чтобы вы как-то пережили это горе. Простите, что причинила вам беспокойство.

Спасибо вам за всё доброе, что вы для нас сделали.

Соломия"

Прочтя записку, мы стояли с минуту неподвижно и растерянно. Мама приложила уголок платка к губам, чтобы сдержать рыдания. Микола смотрел на мёртвые тела, как на что-то невероятное. А я воссоздавал в своём воображении их предсмертные муки: голодный плач девочки и последние судороги её истощённого тельца.

А какие муки должна была пережить её мать! Ей пришлось беспомощно слушать, как ребёнок просит есть, тогда как она сама была полумёртвая от голода. Она, должно быть, приняла последний вздох доченьки с чувством большого облегчения. Ещё я видел в воображении, как мать ухаживает за своим мёртвым

ребёнком: одевает её в то лучшее и самое чистое, что есть, молится на коленях возле неё и, наконец, целует в последний раз перед тем, как наложить на себя руки.

Мама прервала мои мысли. Мы должны были исполнить последнюю волю нашей покойной соседки и похоронить их мёртвые тела, как полагалось. Моя мама всегда любила делать все согласно обычаям. Но как мы могли соблюсти в это время принятые требования? Мы же были слишком слабые, чтобы выкопать в засыпанной глубоким снегом и замёрзшей земле могилу или хотя бы отвезти покойниц на кладбище.

Взвесив всё это, мы решили оставить обеих в хате, ведь какое-то время холод не даст сгнить их телам. Так что мы просто положили ребёнка возле матери на широкой лавке, прикрыли их дерюгой и ушли.

После этого грустного открытия мы уже не могли праздно сидеть дома. Вокруг нас было много и других хат, где не топились печи. Мы были уверены, что там тоже произошли подобные трагедии. Маму особенно беспокоила семья Бориса, а также одна вдова, жившая с дочкой-калекой по соседству с нами. Возможно, они ещё живы, думала она, и нуждаются в помощи.

Не теряя времени, мы пошли в хату Бориса. Борис тоже не вернулся из сельской тюрьмы, а был перевезен в райцентр, и никто его больше не видел. Жена его, Химка, осталась одна с двумя детьми. Мы частенько к ней заходили, помогали, чем могли. Но в последнее время, когда разгулялись метели, мы к ним уже не заглядывали.

Подойдя ко двору Химки, мы заметили перед хатой что-то черное, торчащее из-под снега. Это была Химка, её тело совсем замёрзло и покрылось снегом. Предчувствуя, что и с детьми её случилось худшее, мы вбежали в хату; наши опасения оправдались. На лавке лежал мертвый старший сын Химки Трохим. Его руки были скрещены на груди, глаза прикрыты, а оцепеневшее от мороза тело было покрыто сермягой. Было ясно, что Трохим умер раньше матери. Потом, видимо, чтобы спасти жизнь второму ребёнку, Химка выбралась из хаты искать помощи. Но, обессилевшая от голода, она упала в нескольких шагах от хаты, да так и умерла на снегу.

Нашли мы и младшего её ребёнка, мальчика лет восьми – в кровати. Он был старательно укрыт несколькими старыми одёжками и на удивление был ещё жив! Лежал, совершенно обессилевший от голода и слишком слабый, чтобы пошевелиться. Тело его задеревенело, и, казалось, что он полузамёрз.

Мы должны были немедленно что-то делать, чтобы не дать угаснуть последним проблескам жизни в этом мальчике. У нас не было времени на эмоции и наблюдения. Мы занесли тело Химки в хату и положили рядом с телом старшего сына, умершего от голода. И ещё мы понимали, что нужно будет забрать к себе домой младшего мальчика, если хотим, чтобы он выжил, ведь в его хате стоял холод и не было и следа дров и продуктов. Мы осторожно положили его на санки и перевезли к себе, надеясь, что здесь он оживёт и окрепнет. Мама положила мальчика в кровать и сказала нам, что если Бог даст, то он выживет.

Потом она послала нас двоих с санками к хате вдовы привезти вдову и дочку-калеку к нам, если те ещё живы. Они жили близко, и нам потребовалось не много времени, чтобы дойти до их хаты.

Вдова-Шевченчиха и её дочка-калека Лида тоже были жертвами коммунистического режима. Несколько лет тому, когда у нас проводилась коллективизация, её муж поспорил с представителем партии. У них дошло до перепалки, и вот тогда Шевченко сгоряча обозвал партийца "глупым попугаем"! Ну и тем самым приговорил себя. Его обвинили в оскорблении достоинства коммунистической партии и выслали на пять лет на север на "исправительные работы". А примерно через год жена получила письмо без подписи, в котором сообщалось, что её муж умер на строительстве Беломор-Балтийского канала. Теперь его вдова жила одна с доченькой, калекой от рождения, которая нуждалась в постоянном уходе. Вдове Шевченко было вдвое тяжелее, чем другим крестьянам, добывать продукты и другие жизненно необходимые вещи для двоих. Привязанная к хате ежедневной опекой над беспомощной дочкой, она не могла ходить на работу. И не могла получить никакой официальной помощи, будучи женой репрессированного "врага народа". Она сделалась попрошайкой, полностью зависимой от милости своих односельчан. Когда же голод охватил всё село, её судьба была решена.

Хату вдовы на холме неподалеку от нашей хаты мы нашли всю занесённую снегом, а двери тоже были под снежным заносом.

Хорошенько помучившись, отгребая снег от дверей, мы всё же открыли их, а внутри, как и опасались, нашли бедную вдову мёртвую в сенях на пороге. Ми внесли её тело в хату и положили на лавку возле двери. Дочка Лида лежала на другой лавке, завёрнутая во много тряпок, – она ещё была жива. Бережно перенеся её на санки, мы довезли этот груз к нам домой.

Мама всё ещё возилась с младшим сыном Химки. Она натирала снегом его тело, а на шестке для малыша что-то варилось.

Когда мы внесли в хату Лиду, мама переключилась на неё, а мы взяли на себя заботу о мальчике. Позаботившись, насколько это было возможно, чтобы им стало тепло и удобно, мы попробовали накормить их кашей и напоить домашним чаем из разных трав, который приготовила наша мама. Но нам не удалось добиться, чтобы они съели или выпили что-нибудь тёпленькое. Они лежали совсем неподвижно и единственным признаком того, что жизнь их ещё не покинула, было их медленное и спазматическое дыхание. Когда настала ночь, мы стали свидетелями предсмертных мук обоих. Лида умерла в полночь, а вскоре после неё умер и мальчик.

Теперь мы оказались в довольно неприятном положении. У нас в хате было двое покойников, которые были нам никакие не родственники. Долго держать их в хате мы не могли, а похоронить эти трупы на кладбище было несколько рискованным делом.

Опасным было само проявление сочувствия к голодающим крестьянам, особенно к таким, как этот мальчик и эта девочка, которые в глазах властей считались "врагами народа". Для нас попытки спасти жизнь этих двоих детей были такими же естественными, как и попытки спасти свою собственную жизнь, но коммунистическая партия приравнивала такие действия к государственной измене. Но несмотря на всё это, мы решили во что бы то ни стало похоронить их надлежащим образом на кладбище.

На следующее утро мы с Миколой положили оба тела на сани, прикрыли их и двинулись с ними через центр села к клад-

бищу. Нам было очень трудно тащить эти перегруженные сани, у нас едва хватало сил для этого, тем более, когда лежал такой глубокий снег и лютовал мороз. Продвигаясь по главной улице, мы увидели несколько других покойников, в некоторых из них узнали своих соседей. Среди них попадались и чужаки, которые, видимо, приблудились к нам из других сёл, в поисках еды. Тот факт, что все трупы были присыпаны толстым слоем снега, свидетельствовал о том, что они уже довольно долго пролежали на дороге.

Ближе к центру села нам попались сани, запряжённые парой коней: они двигались прямо на нас. Мы знали, что такую роскошь может себе позволить только кто-то из партийных или властных вожаков села. Мы пробирались по узкой тропе проложенной дороги, а по бокам возвышались кучи снега, и у нас не было возможности свернуть. Едва не врезавшись в нас, кони встали на дыбы и остановились. Сначала мы слышали из саней только громкую ругань, а затем нам приказали отступить в сторону. Когда мы попробовали это сделать, наши перегруженные санки просто застряли в снегу. Пока мы тщетно пытались вытащить свои санки, то подталкивая, то дёргая их, дерюга сверху отодвинулась в сторону и раскрыла наш груз. В тот же миг внимание обоих начальников переключилось на наши санки. Они вылезли из своих саней и подошли ближе к нам.

Их было двое и оба нам незнакомые. Они были тепло одеты и выглядели сыто и солидно, как в давние времена. Один из них, тот, что был в шубе, выступил вперёд и требовательно спросил, что мы везём в санках.

– Вы же видите, что везём! – ответил я, показывая на трупы. Другой незнакомец с интересом присматривался к нам.

– Кто это такие и от чего они умерли? – допрашивал далее человек в шубе.

Вопрос был лишним и даже смешным. Я вроде бы равнодушно ответил, что это трупы наших соседей. А потом, вместо того, чтобы объяснять причину их смерти, показал ему, что вон на дороге видно полно мертвецов, а ещё намного больше их, умерших и умирающих, в хатах. Он явно был очень недоволен моим ответом, потому что сразу сердито спросил меня, кто мы такие, и подошёл к нам почти вплотную.

– Ты что, хочешь мне сказать, что все жители села умерли или вот-вот вымрут? – продолжал он, повышая голос. Потом, опять ругая и оскорбляя нас, вынул из кармана блокнот и записал нашу фамилию.

Второй незнакомец молча наблюдал эту сцену. Когда человек в шубе спрятал блокнот, оба вернулись к саням и быстро отъехали. А мы ещё хорошенько намучились, пока вытащили свои санки из сугроба.

Вздохнули мы с облегчением, лишь когда наконец добрались до кладбища, поскольку сильно замёрзли и обессилели. Здесь мы оказались среди десятков трупов. Они лежали разбросанные по сторонам дороги. Некоторые были сложены кучами – возможно, родственники или соседи. Других же разбросали как попало, беспорядочно.

На кладбище царила мёртвая тишина. Нигде ни живой души не было. Никто не позаботился о том, чтобы похоронить бренные останки этих несчастных.

Весь ритуал похорон "по-человечески" в те трагические дни состоял в том, чтобы просто сбросить мёртвых в одну из братских могил или в могилы, раскопанные грабителями – искателями драгоценностей. В той земле, промёрзшей как камень и покрытой глубоким снегом, даже сильным могильщикам страшно тяжело было бы выкопать яму. А для простого крестьянина, ослабевшего от голода, это была и вовсе невозможная работа. Так что мы только опустили тела наших мертвых ровесников в одну из раскопанных могил, наполовину засыпанную снегом, а сверху присыпали на них ещё немного снега. А потом побыстрее направились домой.

По дороге мы встретили человека, который жил неподалёку от нас и шёл в том же направлении. Нам было приятно в его обществе. Он сказал, что ходил в сельсовет заявить начальству, что у него по соседству очень много людей умерло от голода и что везде в хатах и во дворах полно непохороненных трупов. Его очень удивило, что работникам сельсовета были безразличны его слова и что они даже верить ему не хотели. Более того: председатель сельсовета запротестовал против слов "от голода" и обвинил этого человека в искажении фактов. У председателя было своё собственное объяснение причин. Он признал,

что некоторые умирают, но это только отдельные бездельники и лодыри, которые не любили и не хотели работать в колхозе, или же "враги народа", которых и так нужно "уничтожить". Наш спутник понял, что там он ничего не добьется. Напрасно было что-либо объяснять и доказывать начальству, потому он и покинул сельсовет, вконец разочарованный.

А мы, в свою очередь, рассказали ему, что такое же делается и на нашем конце села и что мы как раз возвращаемся с кладбища, где похоронили двоих бедных соседских детей. Рассказали и о встрече с двумя незнакомцами по дороге на кладбище. Наш спутник пояснил нам, кто это такие. Тот, что в шубе, был наш новый председатель сельсовета. Его назначил на эту должность райисполком, он только недавно прибыл в село. А второй – это корреспондент из столицы, которого прислали сюда написать статью о продвижении коллективизации и ходе выполнения плана хлебозаготовок. Лишь теперь нам стало ясно, почему мужчина в шубе, наш новый председатель сельсовета, так смутился и разозлился, когда мы вспомнили о телах умерших от голода: это же он пытался скрыть от своего приятеля-журналиста страшное горе голодомора, свалившееся на наших крестьян.

С того дня мы уже сидели дома, с каждым днем всё больше теряя силы. Мы с ужасом наблюдали, как постепенно тают остатки наших припрятанных продуктовых запасов, когда холодная зима снаружи была ещё в полном разгаре.